

Пролог

Выехали затемно. Одной Гипсикратии это не удалось бы, но Теокл — видный гражданин полиса, да и время сейчас мирное... В общем, для него и тех, кто с ним, без слов распахнули половину огромной створки ворот в городской стене.

Наверно, и соответствующая мзда помогла: стражники, похоже, уже ждали их появления. Что ж, пусть так.

Мощеная дорога вскоре закончилась, и теперь копыта без стука ударили о грунт торной тропы.

У Теокла было два «блистательных коня» — то есть таких, с которыми мужчине его положения, случись война, надлежит выезжать на защиту полиса. То, что он, наварх-кораблевладелец, в этом случае, скорее всего, будет сражаться на море, а не на земле, значения не имело: видный гражданин Синопы должен быть готов пополнить ряды городской кавалерии.

Один из таких коней сейчас был под Теоклом, а другого он без колебаний предложил Гипсикратии. Это мало кто из сограждан понял бы, а тем более одобрил, но Теокл никогда не забывал, что его жена — скифянка!

Впрочем, она отказалась, выбрала конька попроще и, главное, поспокойней. Блистательному коню будет скучно всю дорогу рысить рядом с третьей лошадью, добронравной малорослой кобылой, он, чего доброго, начнет ускорять аллюр, показывать норов — и, хотя Гипсикратия сумеет с ним справиться, сейчас это совсем ни к чему.

Третья лошадь была самой спокойной из всех, что стояли в конюшне Теокла. За это достоинство ее сейчас и выбрали. Ну и потому, что шаг ее еще мягче нрава.

Только такой и можно доверить столь драгоценный груз...

Вот странно: первую часть своей жизни Гипсикратия, тогда еще Зиндра-«Искорка», и не подумала бы удивиться или обеспокоиться, увидев детскую люльку на лошадиной спине. Кажется, ее собственные первые воспоминания были связаны с такой люлькой: мерно колышется небесная синева над головой, слышен запах конского пота, конский храп... спокойный голос мамы, тоже едущей верхом, ведущей в поводу лошадь с ее, Зиндры, колыбелью...

Лет до трех степняки на переходах возят детей вот так. А потом ребеночек чуть ли не сразу приучается сам взбираться на коня, самостоятельно рысить по бескрайней степи с маленьким луком и запасом стрел-тростинок в горите — и это тоже никого не беспокоит.

Гипсикратия невольно вздрогнула. Склонившись в седле, уже который раз проверила, надежно ли закреплена люлька на седельных ремнях — и надежно ли помещено там ее главное сокровище, туго спеленутое, мирно сопящее во сне. Кобыла (ее звали Ксанфа, «Рыжая») фыркнула успокаивающе, даже, кажется, насмешливо: «Да что ты, дурочка, не тревожься: я сама мать, знаю, кого везу...»

— В ней наша кровь, твоя и моя, — произнес Теокл, не оборачиваясь. — Когда придет срок, Олимпия вырастет отважной всадницей. Потому я сегодня и...

Он не договорил.

— Может быть, все же расскажешь, что ты задумал показать нам, муж мой? — спросила Гипсикратия. — Нечто столь важное и значительное, что оно будет понятно даже годовалой девочке...

Из уст обычной синопской жены этот вопрос, наверно, прозвучал бы слишком дерзко — но, с другой стороны, эллинка из хорошей семьи не оказалась бы посреди ночи за городом. Верхом, рядом с супругом — и с лошадью в поводу, на спине которой посапывает в скифской люльке малышка-дочь.

— Нет, любимая.

Гипсикратия видела лишь спину Теокла, но была уверена, что он улыбается.

— На такое надо посмотреть своими глазами. И ты права: я хочу, чтобы наша дочь тоже это увидела, прибыв туда как скифская всадница. А тебе... тебе оно, пожалуй, уже знакомо. Или она.

Тропа перестала быть торной, истощилась, как ручей в засуху, рассыпалась на несколько мелких тропинок — но в этот миг горизонт на востоке нежно окрасился багрянцем. Дальше они уже ехали не в полной темноте. И не в тишине: окрестности, ранее молчаливые, с первыми же лучами солнца огласились птичьим щебетом.

— *Она?* — повторила скифянка, следуя за мужем, уверенно направившим коня по одной из тропок. — Надеюсь, ты не завел себе наложницу, а то, что ты хочешь нам показать, не загородный дом, возведенный на купленном тобой участке земли? Дом, в котором ты проводишь время с *ней*, когда для меня ты — в очередном плавании!

Гипсикратия была уверена, что произносит эти слова спокойным и даже веселым тоном, как забавную шутку. Но, кажется, это у нее не совсем получилось. Вряд ли найдется женщина, способная со спокойной душой шутить на подобные темы — особенно рядом с колыбелью дочери, первожденной и единственной.

«Неужели *эта* сумела дать ему сына? И... и что же тогда делать всем нам?!»

Гипсикратия подобрала повод Ксанфы. Теперь лошади ехали бок о бок — и женщина в любой миг могла дотянуться до дочери, выхватить ее из люльки. Сама не могла бы сказать, зачем ей это нужно, чего боится, что хочет предотвратить...

— Кое-что ты угадала, моя прекрасная жена. — Теокл залиvisto рассмеялся — и у Гипсикратии словно гора упала с плеч. — «Она», которую вы с Олимпией вскоре увидите,

действительно ожидает нас на земельном участке — я недавно приобрел его для нашей семьи. Но никакого дома там нет и в помине. А сыновей... — Он без труда прочел ее не высказанную вслух мысль. — Сыновей мне подарить только ты!

Теокл легко соскочил на землю и, придерживая своего коня за холку, направил его, казалось, прямо в сплошную стену кустарника. Гипсикратия, по-прежнему коротко держа поводья, последовала за мужем, заранее склонившись вплотную к конской шее, — но это оказалось излишним: Теокл поднял и придержал низко свисавшую ветвь, пока жена ее не перехватила.

На мгновение их пальцы встретились. Ветка колыхнулась, обдав Гипсикратию тяжелыми каплями росы.

Проводя Ксанфу под кустистым сводом, словно сквозь брешь в крепостной стене, женщина потянулась было, чтобы прикрыть малышку от капель, но потом раздумала: утренний весенний росопад — не то, чего следует опасаться. И вправду, девочка лишь недовольно шевельнулась во сне, но даже не захныкала.

Теокл вел их сквозь заросли не по-скифски, а по-эллински: подолгу бежал рядом с конем, идущим рысью, лишь иногда упруго вспрыгивал ему на спину. Именно так и воюют эллинские всадники, готовые ежеминутно превратиться в грозных пеших бойцов: спокойно выдерживают быстрый бег, даже когда облачены в доспехи... а если течение битвы вновь потребует верхового натиска — тут же снова окажутся в седле. Их «блистательные кони» приучены к такой манере боя. Потому-то они так ценятся. Потому-то их так мало. Потому-то, говорит царь Митридат, для большой войны с неведомыми римлянами люди и лошади у него есть, а вот конницы — нет...

Гипсикратии сейчас не хотелось думать о царе, а о войне — еще меньше.

А вот о том, куда они едут, она задумалась. По всему выходило — к той гряде холмов за пределами порта, ниже ко-

торой нет удобных гаваней... но ладья с опытной и умелой командой причалить сможет, а береговые откосы не настолько круты, чтобы это стало преградой для навьюченного мула. Если так, понятно, почему Теокл решил купить там землю, пусть даже на участке и в самом деле будет построен загородный дом или, скажем, разбит виноградник. Но туда, кажется, должна вести дорога, пусть и не та, по которой они выехали из Синопы...

Впрочем, напрямик быстрее — и ничего удивительного, что ее муж, знающий здесь каждый поворот, повел их по бездорожью. Ведь он хочет, чтобы его семья, жена и дочь, увидели... нечто. То, что надо увидеть, прежде чем взойдет солнце.

А самой Гипсикратии «оно», оказывается, знакомо. То есть «она».

Женщина улыбнулась — встречи с неведомой загадкой она теперь ждала без страха. Только подумала: наверно, они все-таки опоздают. Солнечная колесница въезжает на небо быстро, и так же быстро бежит от нее ночь...

И тут они выехали на открытый, недавно расчищенный участок.

Гипсикратия мгновенно поняла: это и есть земельный участок, о котором говорил Теокл. Но... на что же тут смотреть, кроме остатков ночной тьмы?

— Ну, жена моя, — Теокл пружинисто спрыгнул с коня, шагнул туда, где мгла сгустилась плотнее всего, — узнаешь красавицу? Или она не такова, как представилось мне по твоим рассказам?

Он словно бы обнял за плечи кого-то невидимого, стоящего во тьме.

Мрак под его рукой все же не был полностью непроглядным. Гипсикратия присмотрелась — и вздрогнула.

Перед ней высилось изваяние, грубо вытесанное из глыбы темно-серого гранита. Оно было не выше Теокла, но отчего-то казалось огромным: гранитные плечи, превосхо-

дящие их шириной тяжелые бедра... неожиданно маленькие руки, сложенные внизу выступающего грузного живота... И массивные отвисшие груди, которые неведомый резчик былых времен наметил глубокими бороздами.

Каменная баба. Женщина.

Ведьма.

С изрытого временем лика слепо взирают впадины глаз. И чем дольше смотришь на изваяние, тем отчетливее кажется, что внутри незрячих впадин оживают искорки зрачков.

И начинает чудиться, что камень ждет чего-то. Или кого-то.

Гипсикратия поспешно отвернулась, чтобы Теокл не заметил ее чувств. И начала развязывать крепление люльки.

Рыжая кобыла стояла смиренно, она не чувствовала опасности — а кони замечают ее гораздо раньше, чем это дано человеку. Впрочем, это если говорить об опасности, исходящей от внешнего мира. Если от каменного истукана и исходила какая-то угроза, то направлена она была не на коней...

Девочка сладко причмокивала во сне. Она не проснулась, даже когда мать взяла ее на руки.

— Итак, любимая, — Теокл был уже рядом, бережно обнял их обеих — и Гипсикратия снова вздрогнула, как будто через это объятие ей передался холод каменной Ведьмы, которой только что касалась рука мужа, — правильно ли я помню твои слова? Что ты в своем *йере*, родном поселке, как-то раз неоперившейся юницей пришла к такому же изваянию — и задала ему вопрос, который переменял твою судьбу?

Он тоже ничего не замечал. Наверно, угроза, излучаемая гранитным истуканом, не проявляется и в мужском мире.

— Было, — глухо ответила скифянка. — Только наша каменная баба была больше, локтей шести высотой. И вкопали ее на самой вершине кургана...

— А эта стоит вот здесь, на участке, который я приобрел под... — Теокл замолчал. — Впрочем, я и сам пока не решил, под что. Работники только начали его расчищать —

и вдруг обнаружили вот это. Кто знает, каким неведомым богам тут поклонялись века назад, еще до основания Синопы...

Гипсикратия вдруг увидела будто наяву: она, еще иного имени и племени, семнадцатилетняя, стоит в ночной тьме перед Ведьмой и распевно произносит: «О Мать-Луна! О Отец-Небо!.. Я — дочь дочери вашей... Я — вопрошающая... Дайте же ответ мне, смертной с вашей кровью в жилах!» А потом вытаскивает из поясного мешочка гадальную костяшку, зачерненную с одной стороны...

Тогда на небе сверкали первые звезды, сейчас — последние.

И Гипсикратия вздрогнула третий раз, потому что увидела: на ладони Теокла лежит костяшка, бараний астрагал. Одна сторона белая, другая — зачерненная.

— Ты...

— Да, жена моя! — широко улыбнулся Теокл. — Наша маленькая Олимпиада еще не может спросить неведомую богиню о своей судьбе — и я хочу, чтобы ты как мать задала этот вопрос за нее. Так же, как когда-то: под звездами, вдали от людского жилья... Тогда выбор судьбы привел к тому, что наши жизни переплелись — а ведь ничто прежде не сулило ни мне, ни тебе такого счастья! Кто сказал, что наша дочь не имеет права на подобный дар богов?

И тут он наконец заметил ее тревогу.

— Что случилось, любимая? Ты... ты не все рассказала мне о том гадании?

Теперь Гипсикратия во всем винила только себя. И ей оставалось одно: держаться как можно беззаботнее.

— Да так... — Она негромко, чтобы не потревожить спящую девочку, засмеялась и небрежно махнула свободной рукой. — На самом деле солгала мне тогда каменная Ведьма. Я спрашивала у нее, станет ли моим супругом купец, станет ли воин — на всё выпадала черная сторона костяшки: «нет». А вот когда я, по юной глупости, поинтересовалась, суждено

ли мне выйти замуж за царя — гадальная кость тут же упала белым вверх!

Гипсикратия сбросила с плеч шерстяной плащ-гиматий, расстелила его на росистой траве. Склонилась, собираясь поставить на плащ люльку, — и вдруг заметила на стволе молодого дерева крепкий сучок. Это даже лучше: скифские колыбели устроены так, что их и на спине у лошади можно крепить, и подвешивать к потолочному крюку жилища. Дитя скифской крови будет спать безмятежно.

В жилах малышки Олимпиады скифская кровь смешалась с эллинской — но она тоже оставалась безмятежной, даже улыбнулась во сне. А у ее матери появились еще несколько драгоценных мгновений, позволяющих не смотреть мужу в глаза.

Гипсикратия не все рассказала ему о том гадании. Да, ее судьба действительно изменилась — но первой же переменной, случившейся прямо на следующее утро, была гибель всего их йера, рода.

И меньше всего на свете ей хотелось подвергнуть свою дочь испытанию Ведьмой.

Когда Гипсикратия повернулась к мужу, на ее лице уже не было страха. А на его лице больше не было улыбки.

— Я и воин, и купец, — медленно произнес Теокл. — Царем же мне действительно не быть. Но хорошо, что мы не взяли в эту поездку никого из слуг — и, да будет на то воля богов, наш повелитель, царь Митридат, не проведает о твоём гадании.

Он внимательно оглянулся по сторонам, будто и вправду ожидая увидеть где-то среди кустов лазутчиков Митридата. «Блистательный» конь в недоумении переступил передними ногами, коротко и обиженно заржал. Конечно, никого вокруг не было: лошади первыми обнаружили бы чужака, причем Ксанфа, малорослая и неказистая, почует его куда раньше боевого коня — недаром она прежде паслась в степном табуне...

Гипсикратия украдкой перевела дух: Теокл явно передумал испытывать гаданием судьбу их дочери.

Солнце, доселе нетерпеливо ворочавшееся за горизонтом, поднимавшее рыжей щетиной лучей темный полог ночи, вдруг словно бы встало дыбом, могучим скачком вынесло свое тело над краем небес. И восход обрушился на землю всей своей мощью: букетом запахов, шелестом утренних ветерков, разноголосым щебетом со всех сторон. Все это уже было и раньше, но сочилось, словно тонкая струйка через запруду — а вот теперь запруду прорвало.

Гипсикратия стояла спиной к восходящему светилу — и сразу почувствовала, как его лучи ласкают ее открытое левое плечо, ногу от завязок сандалии до середины бедра: на женщине был только домашний хитон, короткий и легкий. За пределами дома эллинкам в таком одеянии показываться не подобает, да ведь она, переступив порог, накинула гиматий... который сейчас лежал расстеленный на траве, словно покрывало поверх брачного ложа.

— О любимая! — Муж смотрел на нее с веселым изумлением. — Я не помню: разве мы пересекли ручей?

— Нет, — Гипсикратия взглянула на него удивленно.

— Тогда где и когда твоя одежда успела промокнуть?

Она на мгновение оторопела — а потом ей вспомнилось, что хитон на ней из тончайшего косского шелка: очень многие купцы балуют своих жен столь дорогими подарками! И когда она впервые предстала в таком одеянии перед мужем, он, сраженный наповал, тоже пробормотал что-то насчет «мокрой ткани», через которую все видно...

Сейчас, конечно, видно еще больше: невесомый шелк насквозь пронизан медным сиянием солнечного света...

— Хороша? — Гипсикратия заодно подбоченилась.

— Прекрасна! — подтвердил Теокл.

— То-то, — кивнула она. — Я — лошадка степной крови, а не городская корова эллинской породы! Мне ни к чему

ни *фаския*, — Гипсикратия хлопнула себя по хитону на уровне груди, — которой иные эллинки поддерживают свое обвисшее вымя уже после первых родов, ни *сублигакул*!

Она провела руками вокруг бедер, будто изображая расплывшиеся тела — и туго стягивающую их повязку-набедренник.

Тут ее вдруг словно что-то зацепило. Загадочное, трудно-уловимое, связанное с ее словами — но...

Или она не произносила именно эти слова?

А что и почему она произнесла? И на каком языке?

Гипсикратия быстро посмотрела на дочь. Та по-прежнему безмятежно улыбалась во сне.

— Ты уверена, что на тебе сейчас нет всего этого, жена моя? — в глазах Теокла заплясали озорные искорки.

— Можешь проверить, муж мой!

Они шагнули навстречу друг другу, и руки Теокла скользнули под ее хитон. Ласкавшие ее крепкие, но нежные ладони были горячее солнечных лучей, — а расстеленный плащ и в самом деле стал их супружеским ложем...

* * *

И тут, когда нельзя и не надо было ни о чем думать, когда Гипсикратия действительно ни о чем не думала — на нее снизошло осознание: названия нагрудника и набедренника она произнесла на латыни. На языке римлян.

Почему? Как это вообще возможно? Ведь она не говорит на латыни и почти ничего не знает о римлянах, лишь слышала о них мимоходом, но никогда не видела...

Нет, это она *тогда* их не видела. И за мгновение до того, как оказаться в объятиях Теокла — под медными лучами яростно рвущегося к зениту солнца, под тусклым слепым взглядом гранитного истукана, — она произнесла все слова по-эллиниски.

Не сейчас. Тогда. В краткую пору своего женского счастья, супружеского и материнского.

Эта пора была уже близка к завершению, чего не знал еще никто на свете — кроме, может быть, богов. Или каменной Ведьмы.

А сейчас...

Говорит Гипсикратия

Греческие умники давно уверяют, будто боги то ли покинули наш мир, то ли их и вовсе никогда не было — а мир и люди зародились сами из каких-то «вихрей хаоса». Что это такое и как их понять — не знаю; да они, похоже, и сами не знают. Я не берусь судить.

Но если из моей жизни можно извлечь уроки, то один из них таков: человеку следует держаться подальше от богов и демонов, не пытаюсь их различать. От богов, демонов и их дел.

Как сказано в древнем гимне:

Счастливы те из людей земнородных, кто таинства видел.

Тот же, кто им непричастен, по смерти не будет вовеки

Доли печальной иметь в многосумрачном Царстве Подземном¹.

¹ Из Гомерова гимна богине Деметре.